

Исполнилось 85 лет филологу Юрию Лотману

«Не описать пером, как ненавидели его чиновники»

Юрий Михайлович Лотман — выдающийся литературовед и культуролог, один из самых оригинальных деятелей отечественной гуманитарной науки, создатель знаменитой тартуской семиотической школы. В преддверии юбилея своим взглядом на Лотмана с «Газетой» поделилась его коллега — известный филолог Мариэтта Чудакова, хорошо знавшая ученого.

Часто говорят о Юрии Михайловиче Лотмане как о фигуре харизматической. И спрашивают знавших его: чем, по-вашему, была обусловлена его притягательность? Благородство и незаурядность натуры — два качества, столь же редкие, сколь ценные, — били, что называется, в глаза в первые же минуты общения. Нельзя было представить себе, чтобы этот человек мог поступить неблагородно. Предлагаю читателям «Газеты» напрячь свою память и вспомнить значение этого основательно забытого носителями русского языка слова.

Трудно было не полюбить Юрия Михайловича. Ум и талант его били ключом. Невысокий, почти маленький, быстро и ловко двигавшийся, явно не слабый физически человек. Уже после его смерти это первое впечатление подтвердилось — в единственном, кажется, и весьма неохотно продиктованном мемуарном тексте. Незадолго до войны его в начале второго курса филфака забрали в армию, и он вспоминал: «Я твердо решил на приближающейся войне не показывать себя хлюпиком и все свободное время делил между французскими книгами и турником, так что к началу войны без большого труда

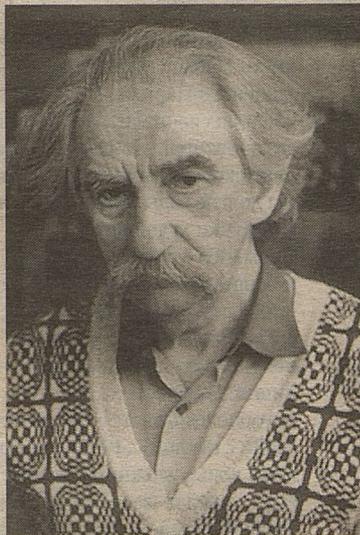

ФОТО С САЙТА WWW.VIVOVOCO.RU

сдал все спортивные нормы (бег и прыжки для меня никогда не были трудностью, а на турнике я натренировал себя до твердой армейской «четверки»).

На войне Юрий Михайлович был связистом в артиллерии, то есть следил за бесперебойностью телефонной связи. Известно от фронтовиков, что это было смертельно опасное занятие. Маленький отрывок из его мемуаров дает об этом некоторое представление: «...С первым утренним светом с немецкой стороны началась ураганная стрельба. Для меня лично события развертывались естественным образом: связь была перебита. Я побежал по линии (проклятая судьба связиста — когда все поглубже затираются в ровики, он бегаёт по линии и связывает перебитые провода)».

Вообще же сам Юрий Лотман сказал коротко и ясно: «Писать о войне трудно. Потому что, что такое война, знают только те, кто никогда на ней не был».

Так же трудно писать о том, что значило заниматься честно (то есть без вранья по мелочам и в крупном — насчет «ужасов царизма», «бесправия народа» и т.п.) гуманитарной наукой в 1960–1970-е годы. Да еще учить студентов в Тартуском университете, да еще создавать научную школу, приобщиться к которой ехали со всей страны. И проводить конференции — опять-таки единственные в своем роде во всей стране, где обходились без обязательной советской риторики. Уже невозможно, пожалуй, найти нужные слова, чтобы доходчиво объяснить, насколько важным было само отсутствие лжи и демагогии — в воздухе конференций и на страницах сборников, которые по ним потом издавались. Как разыскивались эти сборники! Сколько молодых филологов, да и историков, ехали в Тарту специально за ними! Ведь они-то и были подлинными учебниками — взамен словесной мишины, преподносившейся в качестве обязательной литературы на филфаках.

Во всем этом Юрий Михайлович был в те годы признанным лидером. А это требовало самого подлинного мужества, потому что если и не грозило жизни непосредственно, то сильно портило жизнь. Как ненавидели Лотмана, завидуя его растущей мировой славе, столичные гуманитарные чиновники, тоже не описать пером. К счастью, не так-то просто было им до него в далеком и в какой-то степени автономном Тарту дотянуться.

И неважно, шел ли ты прямо за ним, в кильватере или своим путем, — исследования его были важны и необходимы всем нам. И роль его в истории российской науки и культуры XX века огромна. **ТАБЛЕТКА**